

УДК 340.130

А.В. Григорьев, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: grigor-alex@mail.ru)

ПРОБЛЕМА ЭЛЕМЕНТНОГО СОСТАВА ПРАВОВОЙ НОРМЫ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

На примере антрополого-правового подхода к структуре правовой нормы анализируются достоинства неклассической юридической науки. Доказывается, что личность правоприменителя, в том числе через толкование правовой нормы, оказывает влияние на формирование правоприменительной практики. Обращается внимание на использование человекомерных концептов в современном законодательстве, содержание которых устанавливается в правоприменительном процессе и зависит от конкретных правовых обстоятельств.

Ключевые слова: гипотеза, диспозиция, норма права, санкция, структура, теория права, юридическая наука.

Сегодня в современной юридической науке существуют различные представления о структуре нормы права. Они были сформулированы еще в дореволюционных исследованиях, а затем получили определенное научное освещение и развитие в советский и современный периоды развития научного знания. В последнее время на осмысление правовой реальности претендует неклассическое направление юридической науки. В этой связи видится логичным проанализировать структуру правовой нормы в рамках антропологического правопонимания как направления неклассической юридической науки. При таком подходе применительно к структуре нормы права правовому смыслу отводится значимая роль.

В некоторых случаях правовые смыслы в антропологическом аспекте способны повлечь изменение смыслового значения правовой нормы, фактически создавая новую норму права. Так, сегодня в практике деятельности высших судебных инстанций Беларуси можно указать на специфические акты, в которых формулируются правила поведения. Примером может служить постановление Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», которое внесло изменение в смысловое значение уголовно-процессуальной нормы. Так, в соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 429 УИК «в случае достижения несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым восемнадцатилетнего возраста участие законных представителей подозреваемого или обвиняемого в предварительном расследовании или в судебном разбирательстве прекращается, о чем в соответствии с ч. 5 ст. 56 данного Кодекса орган, ведущий уголовный процесс, выносит мотивированное постановление (определение)». В свою очередь, п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» содержит положения (уточняющие данную норму), согласно которым «прекращение судом участия законного представителя обвиняемого, достигшего восемнадцати лет, допускается при назначении судебного разбирательства по уголовному делу, в судебном разбирательстве – до начала судебного следствия, о чем выносится мотивированное постановление (определение). Если несовершеннолетний обвиняемый достиг восемнадцати лет во время судебного следствия или после постановления приговора, законный представитель вправе обжаловать приговор и принимать участие в кассационном рассмотрении дела». Нельзя не отметить, что в вышеуказанном поста-

новлении сформулировано иное, существенно отличное от установленного законодателем, положение относительно момента прекращения участия законных представителей подозреваемого или обвиняемого в предварительном расследовании или в судебном разбирательстве в случае достижения последним совершеннолетнего возраста. Таким образом, данное постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, не изменяя текстуальную форму нормы права, содержащейся в УПК, внесло изменение в ее смысловое значение, т. е. создало новое правило поведения и одновременно фактически новую норму права, хотя это норма в весьма условном и специфическом значении [1, с. 558].

Сходные выводы были сделаны белорусской юридической наукой в рамках классического правопонимания в контексте личностных качеств правоприменителя. Так, по мнению Э.А. Саркисовой, «консервативность (*правоприменительной практики*. – А. Г.), сложившиеся стереотипы, привычки объясняют либо неправильное применение уголовного закона, либо неадекватное само законотворчество. Сложившиеся на практике привычные представления, нежелание от них отступать иногда автоматически переносятся в закон...» [2, с. 257].

Субъективную обусловленность правоприменительной практики и ее влияние на законотворчество В.М. Хомич, например, объясняет «рациональными и иррациональными действиями субъектов правообразования и правоприменения» [3, с. 24].

По мнению В.В. Подгруши, правоприменитель, истолковывая ту или иную норму права, формирует практику, явно не согласующуюся с конституционными нормами и принципами [4, с. 10]. По мнению Н.А. Горбатка, правоприменение предполагает наличие у его исполнителей позитивных нравственно-личностных качеств [5, с. 203].

В этой связи можно утверждать, что личность правоприменителя, в том числе через толкование правовой нормы, оказывает влияние на формирование правоприменительной практики.

Сходные тенденции характерны и для российской юридической науки. Так, по утверждению К.Н. Пономорева, правоприменительная деятельность не сводится к изданию актов применения права, «она включает большое количество неформальных связей и отношений: различные звенья правоприменительной системы, должностные лица, оценку состояния правопорядка, выработку своих позиций по вопросам применения закона, собственные мнения и влияние на мнения других лиц, принятие решения по конкретным делам, изменяют текущую практику и т. д.» (о дополнительных лицах) [6, с. 123].

Как видится, ученые осторожно обращают внимание на роль человека в праве как элемента правовой реальности, в данном случае – личности правоприменителя/толкователя: привычки, стереотипы, нежелание отступать от привычных представлений, иррациональное поведение, нравственно-личностные качества правоприменителя, неформальные связи и т. п. Тем не менее приверженность к нормативному правопониманию так и не позволила ученым выйти за рамки исследования и пересмотреть догматы классического правоведения.

Что касается законодательства, то даже в этатистских правовых режимах можно встретить проявления человека в праве, нехарактерные для классической нормативности. Примером может служить реализация принципа революционной законности, который допускал в определенной степени вынесение решений на основе революционного правосознания. Действительно, организация и деятельность всех государственных органов (особенно правоохранительных) в годы советской власти осуществлялась на основе принципа революционной законности (впоследствии – социалистической законности), под которым понималось соблюдение не только законов, но и проведение их на основе революционного (социалистического) правосознания в интересах трудящихся масс, а за отсутствием в законе указания на тот или другой случай в жизни – разрешение его на основе того же правосознания [7, с. 105].

Предпосылкой возникновения антропологического подхода к пониманию права можно считать использование человекомерных концептов в современном законодательстве: вину, справедливость, особую жестокость, жесткое обращение с детьми, злостное уклонение, добросовестность, неуважение к суду, моральный вред и т. п. Содержание таких оценочных понятий устанавливается в правоприменительном процессе и зависит от конкретных правовых обстоятельств.

Оценочные понятия с их открытой логической структурой дают возможность правоприменителю использовать усмотрение (в том числе через уяснение смыслового значения нормы права) и формировать тем самым практику применения. Похожие идеи высказывал еще в начале XX в. доре-

волюционный теоретик права В.И. Лебедев. Он указывал на необходимость «...дать известный простор личному усмотрению органов, осуществляющих власть в видах большей пластичности этой власти, в видах большего соответствия с явлениями конкретной действительности» [8, с. 23].

Можно утверждать, что в наибольшей степени положения неклассической юридической науки находят подтверждение в англосаксонской правовой семье, которая наделяет судью правотворческими функциями. В этой связи роль человека в правовой реальности возрастает. Есть предположения, что этим объясняется повышенный интерес в рамках социологии права к изучению личности судьи, зависимости судьейского решения от настроения судьи, влиянию социального происхождения судей на выносимые решения, поведению работников полицейских органов, социальному происхождению юристов в США и т. п.

Таким образом, правотворчество и реализация норм права, как и само понимание права как нормативной системы, как представляется, нуждается в переосмыслении. Полагаем, что для решения указанных проблем могут быть использованы достижения неклассической юридической науки, обладающих рядом преимуществ.

Во-первых, «теория права рассматривается уже не как возвещающее истину о праве абстрактное знание, но прежде всего как инструмент выбора решения в проблемной юридической ситуации» [9, с. 11].

Во-вторых, например, в рамках антропологического подхода не отрицается смысл законодателя, выраженного в знаковой форме в тексте нормативного правового акта. Кроме того, учитывается смысловое значение знака, как результат интерпретационной работы правоприменителя, т. е. схема понимания нормы права конкретным лицом в процессе применения права.

В-третьих, в настоящее время положения антропологического подхода, в том числе к структуре нормы права, подтверждаются правоприменительной практикой и выражаются в правоприменительных обыкновениях, отражая роль человека в праве в антропологическом контексте. Однако следует учесть, что признание антропологического понимания структуры нормы права неизбежно влечет за собой пересмотр многих положений классической юридической науки (состав правонарушения, толкование норм права, понятие и признаки права и др.).

На основе изложенного автор приходит к следующим выводам.

1. Основы современных представлений о структуре правовой нормы были заложены дореволюционными учеными. Так, теоретики права и цивилисты полагали, что норма права состоит из гипотезы и диспозиции. При этом санкция в теоретической юридической литературе не рассматривалась в качестве структурного элемента нормы права, а выступала средством принуждения. Представители науки уголовного права считали, что структура нормы права представлена диспозицией и санкцией. В дальнейшем советскими правоведами было дополнено учение нормы права о структурных элементах трехэлементным подходом. Различное понимание структуры нормы в современной общетеоретической и отраслевой юридической науке объясняется преемственностью дореволюционных подходов о правовой норме и ее структурных элементах. До настоящего времени в юридической литературе не утихает дискуссия на этот счет.

2. Многообразие точек зрения на структуру правовой нормы можно объяснить различным типом правопонимания, научными подходами, правовыми традициями различных правовых семей и др. Хотя большая часть ученых объясняет это спецификой норм различных отраслей права. Однако любая норма априори обладает спецификой в силу круга общественных отношений, на регулирование или охрану которых она рассчитана, что, на наш взгляд, не позволяет заявлять об особом характере, а значит – особой структуре таких норм, для которых не может быть применима трехэлементная структура. В этой связи нами не разделяются мнения ученых о том, что структурные элементы нормы права могут состоять из различных по качественному и количественному составу элементов.

3. Одной из причин различных подходов к структурным элементам нормы права выступает отождествление ее *формы* (текстуальное выражение правовой нормы в статье или статьях нормативного правового акта) и *содержания* (логическая структура норма права, представленная формулой «если» – «то» – «иначе»), которые не всегда совпадают.

4. Поскольку структура нормы права отражает системность права, то ни один из структурных элементов нормы права не обладает признаками логически завершенной конструкции и

свойствами целостной системы, а следовательно, не способен урегулировать общественные отношения. Полагаем, что использование субъектом права при толковании правовой нормы именно трехэлементной логической структуры как взятой в системном единстве совокупности элементов, определяющих условия применения нормы (гипотеза), ее содержания в виде правила поведения (диспозиция) и последствия ее нарушения (санкция), оказывает влияние на эффективность применения нормы права путем:

отыскания указанных логических элементов нормы права, не совпадающих со структурой статьи (статей) нормативного правового акта, в силу приемов юридической техники (формально-логический анализ);

анализа текстуального выражения нормы права с целью отыскания смысла, заложенного законодателем (классический концепт так называемой «воли законодателя»), а в ситуации правовой неопределенности (отсутствие ясности, точности и логической согласованности норм права, в том числе вызванное наличием пробелов в законодательстве (правовом регулировании) и коллизий нормативных правовых актов, что порождает возможность неоднозначного понимания норм права и их неединообразного применения), – с учетом результатов интерпретационной деятельности (теория интерпретации), полученных на основе правового мышления и личностных качеств фигуры толкователя (антропологический подход).

Список использованных источников

1. Павлов, В.И. Судебное правотворчество в контексте теории интерпретации и антропологической концепции права / В.И. Павлов, Н.М. Дубрава // Юрид. техника. – 2014. – № 8. – Ч. 2. – С. 553–560.
2. Саркисова, Э.А. Уголовный закон и правоприменительная практика / Э.А. Саркисова // Проблемы правоприменительной деятельности в Республике Беларусь : материалы респ. науч. конф., Гродно, 28–29 марта 2003 г. : в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т ; редкол.: Р.Н. Ключко (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2003. – Ч. 1. – С. 256–260.
3. Хомич, В.М. Криминология правообразования / В.М. Хомич // Теория и практика правотворчества и правоприменения: Республика Беларусь в условиях интеграционных процессов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 13–14 апр. 2007 г. / Гродн. гос. ун-т ; редкол.: И.Э. Мартыненко (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2007. – С. 23–25.
4. Подгруша, В.В. Конституционное единство правотворчества и правоприменения в правовой системе Республики Беларусь / В.В. Подгруша // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2003. – № 3. – С. 4–13.
5. Горбатов, Н.А. Применение права в деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 30 июня 2010 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; под ред. В.Б. Шабанова. – Минск, 2010. – С. 203–205.
6. Пономорев, К.Н. Об эффективности правоприменительной деятельности / К.Н. Пономорев // Вектор науки ТГУ. – 2009. – № 2. – С. 123–126.
7. Григорьев, А.В. Принцип революционной законности и его реализация в годы советской власти / А.В. Григорьев // Государство и право в эпоху революционных преобразований (к 100-летию революции в России) : материалы Междунар. науч.-практ. конф., С.-Петербург, 25 мая 2017 г. / Рос. гос. ун-т правосудия ; редкол.: В.Н. Корнев (отв. ред.) [и др.]. – М. : РГУП, 2017. – С. 99–105.
8. Лебедев, В.И. Общая теория права. Лекции / В.И. Лебедев. – СПб. : Паровая скоропечатанья Г. Пожарова, 1903. – 79 с.
9. Тимошина, Е.В. Теория и социология права Л.И. Петражицкого в контексте классического и пост-классического правопонимания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Е.В. Тимошина ; С.-Петерб. гос. ун-т. – М., 2013. – 44 с.

Дата поступления в редакцию: 21.09.20

A.V. Grigoriev, Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE PROBLEM OF THE ELEMENT COMPOSITION OF A LEGAL NORMS IN THEORETICAL LEGAL SCIENCE

The advantages of non-classical legal science are analyzed using the example of an anthropological and legal approach to the structure of a legal provision. It is proved that the personality of the law enforcement officer influences the formation of law enforcement practice through the interpretation of a legal provision. Attention is drawn to the use of human-dimensional concepts in modern legislation, the content of which is established in the law-enforcement process and depends on specific legal circumstances.

Keywords: hypothesis, disposition, provision of law, sanction, structure, theory of law, legal science.